
I.

ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА И ПЕЩЕРЫ.

Отъ Броваровъ до Кіева должно пробираться 18 верстъ сквозь унылыя сосновыя лѣса, и преодолевая глубокіе пески, какъ бы нарочно насыпанные природою, дабы увеличить неперпѣніе пунешественника, жаждущаго окончать спранспіе свое и узрѣти то средопочіе, опікуда свѣтъ благопворной Вѣры разлился по лицу *Rossii*. Сіи-то пески соснавляютъ предѣлъ усерднаго подвига богомольцевъ, которые спекаются сюда, большею частію пѣшіе, изъ за нѣсколькихъ тысячъ верстъ, и презирая трудности и опасности пужи, а иногда и самыя

Часть I. 1

угнетенія (*), несущъ дары сердець, исполненныхъ горячія Вѣры и любви къ Всеблагому Создателю міровъ и благоговѣнія къ Святымъ мѣстамъ Кіевопечерской Лавры. 1-го Сентября 1815 года, я былъ свидѣтелемъ сего величественнаго Христіанскаго зрѣлища: дорога по обѣ стороны была покрыта пушешеспивенниками съ посохами въ рукахъ, съ кошомками за плечьми; множество экипажей разнаго рода шакже шянулось по дорогѣ. Я вышелъ изъ коляски и вмѣшался въ средину смиренныхъ спранниковъ. Чѣмъ ближе подвигались мы къ *Кіеву*, тѣмъ примѣшнѣе увеличивалось ихъ нешерпѣніе. Взоры всѣхъ обращены были на воздушныя пусшопы; всѣ искали шамъ *Лаврской* колокольні: казалось ни одно

(*) Католическіе Епископы налагають большіе денежныя штрафы на пѣхъ, кои хотять опправитъ ся на поклоненіе въ Кіевъ.

сердце не могло удерживать чувствъ своихъ и требовало изліянія. Наконецъ, средь бурныхъ облаковъ, сверкнулъ златый крестъ, и слово : *Kievъ!* передалось отъ одного къ другому съ такимъ же быстрымъ восторгомъ, какъ послѣ многихъ бѣдъ и долгаго странствія по Океану, слово : *берегъ!* повноряется въ ушахъ насправавшихся мореплавателей. Вдругъ неперпѣливая толпа османавливается, и поклоненіе со крестомъ знаменуетъ благочестивый восторгъ ея ; радости и Вѣра вливаются во всѣхъ новую крѣпость и опраду ; всѣ забываютъ о трудахъ, объ усталости !

До сей поры высокая колокольня *Петерской Лавры* шерялась въ облакахъ, одинъ крестъ блеснѣлъ въ снранахъ воздушныхъ и пѣмопснвуя вѣщаль сынамъ Россіи, сынамъ Вѣры : *сими побѣдиши!* Наконецъ открылась Божественная *Лавра* съ златыми главами

своими, а мало по малу и весь *Кіевъ*, у подножія коего извивался свѣшлый *Днѣпръ*. Я чувствовала необыкновенное наслаждение подлѣ меня шелъ согбенный лѣшами старецъ — онъ плакалъ, но слезы его были такъ краснорѣчивы.

Пораженный красотою сей величественной каршины и преисполненный великихъ воспоминаній — перѣхалъ я чрезъ длинный дубовый мостъ по *Днѣпру* и поднимался на извивистыя крутизны дороги, ведущей на *Петерсб.* Бѣлая пашня, казавшіяся издали гнѣздами чернашихъ, прикрепленными вдохновеннымъ искусствомъ ихъ къ высокимъ берегамъ *Днѣпра*, являлись мало по малу численькими домиками. Въ нихъ обитающъ большею частію инвалиды и вдовы ихъ, содержащіеся подаваніемъ Христолюбивыхъ спранниковъ. У многихъ хижинъ подъ навѣсомъ густыхъ деревъ сидѣли мир-

ныя сіи семейства. Здѣсь, думалъ я, добрая мать послѣ бурныхъ явленій жизни, при видѣ храмовъ Божіихъ, направляетъ пиенцевъ своихъ въ Вѣру и любви къ опечеснѣву. Тамъ.

*Изреченный герой, какъ лунь во браняхъ
постѣдѣвшій,*

послѣ грозныхъ подвиговъ и спасенія своего опечеснѣва, покоится посреди семейства, и уроками опытна и Вѣры вливаетъ въ сердца дѣшей своихъ доблесни *Рускаго* воина! Вошь опъ чего, можетъ бышь, домики сіи показались миѣ столь прелесными!

На другой день спѣшу въ *Тавру*. Съ толпою богомольцевъ схожу въ глубины пещеръ и съ умиленнымъ претепломъ слѣдую по узкимъ коридорамъ за монахомъ, копорый шемные своды освѣщаетъ шусклымъ факеломъ, и тихимъ голосомъ шворишь молишвы каждому Святому. Здѣсь ясно предшавляются чудеса Всемогушеснѣва Божіа,

сила помощи Небесной въ рѣшившихся жить для *единого Бога*; здѣсь, въ холодныхъ, шемныхъ пещерахъ во всей силѣ чувствуешь ничтожество *велигїя и славы земной*. Нѣкогда въ сихъ Священныхъ мѣстахъ раздавались молитвы праведниковъ, пропикавшія мрачные, глубокіе своды сіи и возносившіяся до селеній небесныхъ. — Здѣсь Россійскіе Вѣщеносцы, *Ярославы, Избяславы, Святославы*, познавали науку, управляли народомъ своимъ въ правдѣ и славѣ, и ободренные духомъ пророчества угодниковъ Божіихъ, почерпали силу мужества и исходили на брань, подобно *воинамъ небеснымъ*; здѣсь укрѣплялся духомъ Петръ Великій, готовясь сразиться съ грознымъ *Карломъ XII*; сюда приходила благочеснивая Елисавета для принесенія жертвы благодарности за ненарушимый миръ и благоденствіе Ея царствія, преодолевая всѣ трудности пути по сыпучимъ

пескамъ *Кіевскимъ* (*); здѣсь мудрая Екатерина преклоняла вѣнценосную славу свою предъ Свяицищемъ истинны, и *выходила въ блескъ красоты небесной.....*

Въ священныхъ мѣстахъ сихъ мы поклонились Свяшымъ мощамъ *Іоанна многострадальнаго*, закопавшагося по рамена въ землю: предъ нимъ лежишь раскрытая книга Премудрости Божіей. Насупрошивъ его, въ углубленіи спѣвы, покояшся мощи *Марка Гробоконателя*. Древній снарець сидѣль подлѣ нихъ и давалъ пишь воду богомольцамъ изъ кресна, кошорый служилъ ежедневно мѣрою уполенія жажды сего Свяиштеля, когда онъ изнемогалъ среди многотрудныхъ своихъ подвиговъ. Вошь одинъ изъ примѣровъ шерпѣнія Свяишхъ мужей, коихъ подвиги и до-

(*) Большую часть дороги Она пѣшешествовала.

бродѣтели мало извѣстны намъ, между
иѣмъ, какъ подобныя черны, находи-
мыя въ жизни древнихъ Философовъ,
кажущся удивительными! Всякой по-
чти знаешь, что *Сократъ*, упоми-
вшись и чувствуя сильную жажду, до-
спавалъ воду изъ колодца и опять вы-
ливалъ въ него до пѣхъ поръ, пока не
ощущалъ, что безъ поврежденія здо-
ровья можетъ напишья.

Мощи Лѣтописца *Нестора*, оказав-
шаго столь великія услуги отечеству
нашему историческими своими тру-
дами, напоминающъ о пользѣ ипоче-
скаго состоянія для Государства и
Христіанства. Кто сохранилъ драго-
цѣнные памятники древнихъ образце-
выхъ сочиненій? Кто въ новѣйшія
времена наиболѣе блиснлъ чиснымъ,
небеснымъ краснорѣчіемъ, швореніями
иснино величественными? Конечно
не *Волтеры*, не *Дидероты* и *Далам-
берты*, причинившіе мнимою своею Фил-

лософією сполько зла, заблуждений и кровопролитій, но *Фенелоны, Босюэты, Бурдалу, Теофаны, Платоны, Анастасіи*. Нашему духовенству обязаны мы и сохраненіемъ языка Рускаго во всемъ его величіи.

Близъ мѣста, гдѣ покояшся мощи Преподобнаго *Антонія*, главнѣйшаго основателя сихъ пещеръ, находяшся церковь во имя Свяшаго и келья его. Въ сей послѣдней сохраняется желѣзная цѣпь, на копорую сажали нѣкогда для исцѣленія сумасшедшихъ, коихъ привозили сюда родспивенники; но сіе запрещено, сказывали мнѣ, Митрополитомъ Самуиломъ. Конечно сей мудрый Паснырь не безъ основанія сдѣлалъ сіе запрещеніе: *не искушиши Господа Бога твоего*, научаетъ насъ Священное Писаніе. Преподобный *Антоній* родился въ *Любечѣ* 983 года, во время княженія *Владимира I Святославича*. Въ молодости своей онъ отправился

въ Грецію, былъ въ *Царьградѣ*, обозрѣлъ многіе монастыри и на *Аѳонской* горѣ поселился. По мановенію Небесному возвратился онъ въ опустыню и поселился въ пещеру, ископанную *Иларіономъ* Священникомъ въ лѣсиспомъ мѣстѣ, называемомъ *Берестовымъ*, куда сей послѣдній уклонялся часто опъ съестъ мірскихъ, дабы бесѣдовать въ уединеніи съ Невидимымъ и возносишь къ Нему сердечныя моленія. Скоро слава житія *Антоніева* разнеслась повсюду. Дѣши бояръ *Изъяславовыхъ* и другіе ревнишли Вѣры Христовой, пренебрегая крашкременными радостями жизни, переселились къ нему, дабы научишься изъ его примѣра жить и подвижашься богоугодно въ монашесствѣ. Когда число сихъ подвижниковъ умножилось, что не вмѣщаясь болѣе въ пещерахъ, построили они наружу деревянную церковь *Успенскую* и при ней кельи. Священитель,

любя уединеніе, поспавиль Игумною *Теодосію*, вмѣстѣ *Варлаама*. Онъ самъ никогда не принималъ на себя званія Игумена и удалился на другій холмъ, гдѣ изрылъ пещеры, называемыя нынѣ *ближними*. Но и здѣсь, умножились сподвижники его добродѣтелей, и онъ побужденъ былъ чудеснымъ образомъ къ успроенію большой каменной церкви на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ *Успенская*.

Преподобный *Антоній* не спрашивался говорить правду предъ великими и сильными: когда пришли къ нему, отправляясь на брань прошиву *Половцевъ*, при *Князя Россійскіе Ярославичи*: *Кіевскій Изяславъ*, *Черниговскій Святославъ* и *Переяславскій Ярославъ*, Праведникъ, движимый духомъ предвидѣнія, со слезами прорекъ, что ихъ ожидаетъ гнѣвъ Божій. — Сіе исполнилось въ шочности. — Онъ жилъ 90 лѣтъ, продолжая шрудинъ со всею силою

и бодростію юноши въ угодность Божію и въ пользу челоѣчешіу, въ дальнихъ пещерахъ 40, а въ ближнихъ 16 лѣтъ. Пресѣченіе спрасней даешъ долгоденствіе, а вихри мірскихъ наслажденій быспро подвигаютъ насъ ко гробу.

Выхожу изъ Священныхъ сихъ жилищъ, и вся природа кажется мнѣ въ новомъ, чудесномъ видѣ. Яркая зелень, лазурь небесъ, извивающійся величественный *Аѣлрѣ*, синѣющія вдали села — все приняло для меня новую, прелестную наружность. Но и безъ того, взошедши на галерею, ведущую къ дальнимъ пещерамъ, всякой будень пораженъ изящностію каршинъ, представляющихся изъ монастырской ограды во всѣ стороны. — Природа улыбалась вокругъ меня, древа изгибались подъ тяжесшію зрѣлыхъ, благоуханныхъ плодовъ, чисныя воды журчали по золотому песку; вездѣ видны были свѣт-

лые домики иноковъ: кажется пред-
 ешюла все къ наслажденію чловѣка,
 къ содѣланію его счастливымъ; я го-
 товъ былъ завидовать участи живу-
 щихъ въ сей обители благоденствія,
 готовъ былъ раздѣлить съ ними вос-
 торгъ мой, восхищеніе, но оглянув-
 шись — увидѣлъ нѣсколько мрачныхъ
 лицъ, и кажется, прочелъ оныѣ въ
 пусклыхъ глазахъ ихъ — *для прохо-*
дящихъ! Неужели красоты приро-
 ды не дѣйствуютъ на пужениковъ,
 неужели они нечувствительны къ пре-
 леснымъ ея, не умѣютъ наслаждаться
 благами земными? Нѣтъ, напрошивъ!
 жизнь монашеская есть не что иное,
 какъ непрерывное покаяніе, всегдаш-
 няя недовѣрчивость къ самому себѣ.
Веселіе незазорное на небеси, а здѣсь,
 пока должно иппи узкимъ пушемъ —
 сраженіе съ самимъ собою! Кающійся
 не можетъ имѣть веселую наруж-
 ность.

Дальнія пещеры, называемыя Θεοδосіевыми, не такъ обширны, какъ *Антоніевы*; но не смотря на близость ихъ къ *Δηψιν* и множество испочниковъ, воздухъ въ нихъ чрезвычайно свѣжъ и легокъ, какъ и въ первыхъ. Проходя тѣсные коридоры, я не ощущалъ здѣсь никакого ужаса, который глубина пещеръ, тусклый, блѣдный свѣтъ факеловъ, мершвая тишина, или глухой гулъ, раздающійся отъ ударовъ ногъ по звонкому помосту и гробы усопшихъ, должны были бы произвѣсти во мнѣ; напропивъ, я чувствовала нѣкое священное благоговѣніе, и шепеть, не похожій на шонъ, коимъ объятъ былъ, пробѣгая съ негодованіемъ пещеры *Парижскія*. (*) Мнѣ кажется, что избраніе мрачныхъ пещеръ для мо-

(*) Многимъ, полагаю, извѣстны *Парижскія Катакомбы*. Французы могутъ похвастаться, что никому еще, кромѣ

липвъ грѣшниковъ, приличіе свѣ-
 лыхъ мѣспѣ; звѣздная ночь клонитъ
 къ высокимъ размышленіямъ, а блескъ
 призываетъ къ разсѣянію. На входахъ
 въ пещеры ничего бы нельзя прилич-
 нѣ начертать злыми лишерами,
 какъ сіи Божественныя слова изъ рѣ-

ихъ, не приходило счастливой мысли: изъ
 человѣческихъ костей и череповъ сдѣ-
 лать декораціи и довести ихъ до ве-
 личайшей степени утонченія! На мно-
 гихъ стѣнахъ выложены ими различные
 узоры, какъ то звѣзды, гирлянды и
 проч. Гирлянды сіи начинаются всѣ
 съ большой головы или кости и по раз-
 мѣру оканчиваются самою маленькою.
 Парижскія пещеры, такъ какъ и мно-
 гія другія, находящіяся во Франціи,
 сдѣланы Друидами; они отправляли въ
 нихъ свои таинства. Кости же свезены
 со всѣхъ Парижскихъ кладбищъ, по
 приказанію Лудовика ХІ, во время силь-
 наго мороваго повѣтрія, бывшаго въ Па-
 рижѣ и брошены въ сіи пещеры, а по-
 томъ, при усовершенствованіи вку-
 са, приведены въ нынѣшній и зящный
 порядокъ.

чи знаменитаго *Леванды*, коею привітснвоваль онъ Митрополиѣта *Платона* по прїѣздѣ его въ Кіевъ: „Здѣсь „узришь неслѣдніе плѣтиныхъ и без- „смертніе смертнихъ!“

Есть прекрасная книга, сочиненная *Теофиломъ Прокоповичемъ* о сверхъ-естественномъ сохраненіи мощей въ Кіевскихъ пещерахъ, которую написалъ онъ по желанію Петра Великаго. Эпиграфомъ ей служилъ текстъ изъ Евангелія: *еще не хочу, да той пребы- ваетъ, дондеже прииду, то къ тебѣ?* Жаль, что на сіе столь важное сочи-неніе мало обращающъ вниманія: оно для кичливаго философскаго духа послужило бы лучшимъ лѣкарствомъ.

Императрица Екатерина II, въ бытность свою въ Кіевѣ въ 1787 году, кромѣ другихъ даровъ, принесла новыя парчевыя покрывала съ серебряными и золотыми кистями для покрова всѣхъ мощей, здѣсь почивающихъ. Импера-

трица Елисавета Петровна и Императоръ Павелъ Петровичъ содѣйствовали пожертвованіемъ значительныхъ суммъ для укрѣпленія береговъ, кои грозили разрушеніемъ, бывъ подмыты съ одной стороны быстрымъ теченіемъ *Днѣпра*, а съ другой лишены деревь, соединявшихъ корнями своими рыхлую землю. Римскій Императоръ *Иосифъ II* посѣщалъ пещеры сіи нѣскольکو разъ съ безсмертнымъ героемъ *Задунайскимъ*, и въ знакъ благоговѣнія своего принесъ многіе богатые дары....

Вышедши изъ пещеръ, я поспѣшилъ прямо къ *дому пристанища бѣдныхъ богомольцевъ*. Зданіе сіе находится за оградой и заключаетъ въ себѣ два большихъ и 18 малыхъ покоевъ: оно построено въ 1786 году на мѣсто другаго великаго дома. Къ сожалѣнію долженъ я признаться, что ожиданія мои не исполнились. Госпитилица сія едва защищаетъ прибѣгающихъ подъ по-

кровь ея опъ дожда и зноя! Если *Мусульмане* щипающъ священнымъ закономъ своей Вѣры строить пышные *каравансерай* для странниковъ, то *Христіанство*, исполненное полюкихъ совершенствъ, полюкихъ обязанностей къ ближнему, не возлагаетъ ли долга на всю *Россію* содѣйствовать къ основанію здѣсь страннопріимнаго дома, чтобы безпомочный странникъ, разлученный со всѣмъ свѣтомъ ощутилъ въ священныхъ мѣстахъ сихъ не только духовную радость и наслажденіе, но и успокоеніе телесное?

Богаты убрания пышнѣшняго *Успенскаго Собора*, драгоценна его утварь и величественна *Архитектура* его строеній, но все сіе ничто предъ прежними сокровищами и зданіемъ, которое возносилось нѣкогда на мѣстѣ семъ. Прекрасна живопись стѣнъ Собора, но въ древности украшала ихъ превосходная мусія; крѣпокъ чугунный помостъ

внутренности храма, но мозаика рѣдчайшихъ мраморовъ замѣняла его прежде; лучезаренъ блескъ позлащенныхъ главъ его и крестна, но древле огромный крестъ сей вылилъ былъ изъ *чистаго* золота. Чудесный храмъ сей, получившій чудесное начало въ 1077 году при *Антоніи* и *Теодосіи* — разоренъ и ограбленъ въ 1240 году грознымъ *Батыемъ*! Послѣ сего онъ находился въ запущеніи болѣе 200 лѣтъ, и уже въ 1470 году возобновленъ *Княземъ Кіевскимъ* и *Слуцкимъ Симиономъ Александровичемъ Олехновичемъ*, и не смотря на нападенія въ разныя времена *Татаръ* и другихъ непріятелей, приведенъ былъ щедростію благочеснивыхъ и широкимъ *Наспомянутыхъ* въ цвѣтущее положеніе, но въ 1715 году превращенъ пожаромъ въ пепель — съ иконами, сосудами, ризницею и всѣми драгоценностями, въ немъ находившимися. Жемчуги и алмазы, золото и серебро явились

снова, но невозвратна потеря при семъ случаѣ библіотеки съ рѣдкими рукописями и архива съ грамошами *Великихъ Князей и Царей Россійскихъ, Королей Польскихъ и Патріарховъ Константинопольскихъ*. Въ 1729 году церковь снова построена щедрошами Петра Великаго и украшена подаяніями опъ всѣхъ царспвовавшихъ съ пѣхъ поръ Россійскихъ Монарховъ и дарами Ихъ Вельможъ, всегда съ ревностію слѣдовавшихъ великимъ примѣрамъ. Въ числѣ сихъ достопамятныхъ вещей занимающъ отличное мѣсто слѣдующія:

- 1) богатая риза съ жемчугомъ : даръ Царя Алексѣя Михайловича ;
- 2) оба богатая Евангелія Императора Петра I-го ;
- 3) золотые сосуды и парчевая риза Императрицы Анны Іоанновны ;
- 5) риза, осыпанная жемчугомъ, бриллиантами и другими драгоценными камнями и богатая алмазная панатія Императрицы Елисаветы Петровны ;

5) висящая предъ главою Святаго Владиміра, золотая осыпанная бриліаннами лампада, коей киснь составлена изъ крупныхъ алмазовъ и бурмицкихъ зерень — даръ Императрицы Екатерины II; 6) Государь Императоръ Павелъ Петровичъ, бывъ еще Великимъ Княземъ, въ проѣздъ свой чрезъ *Кіевъ* съ Супругою своею Императрицею Марією Ѳеодоровною, подарилъ свяшую икону высокой живописи въ золотыхъ рамахъ, осыпанную драгоценными камнями. Императоръ Александръ по замиреніи Европы препроводилъ изъ Парижа богатѣйшіе попперы, памъ сдѣланныя; 7) *Князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ* поднесъ обители сей золотые сосуды, украшенные разными дорогими камнями; 8) шаковые же подарены *Гетманомъ Малороссійскимъ Іоанномъ Самойловичемъ*; 9) *Баронъ Григорій Строгоновъ* принесъ ризы богатой парчи, осыпан-

ния жемчугами и камнями; 10) *Графъ*
Петръ Александровичъ Румянцевъ *Заду-*
найскій также богатыя ризы, а 11)
 сынъ его, Государственный Канцлеръ
Графъ Николай Петровичъ, драгоцен-
 ную панагию, 12) *Ашаманъ Донскихъ*
войскъ Данила Ефремовъ серебряное
 большое паникадило; 13) драгоценные
 серебряные враня сдѣланы Фельдмар-
 шаломъ *Графомъ Борисомъ Петрови-*
чемъ Шереметевымъ и сыномъ его *Ге-*
оргіемъ. Несмѣшны богатырства сего
 великолѣпнаго храма, но какъ часно
 вниманіе любопытствующаго осна-
 навливается на предметахъ, по наруж-
 ности просныхъ и неблеснящихъ?
 Такъ, съ благоговѣніемъ разсматриваль
 я здѣсь молищенникъ Императрицы
 Елисаветы Петровны, кошорый упо-
 требляла сія благочестивая Госуда-
 рыня въ бытность свою въ *Кіевѣ*; съ
 жадностію пробѣгалъ Божественныя
 молишвы, выражающія во всей силѣ

кропость ясной души Ея и милосердіе. Съ восшоргомъ, свойспивеннымъ *Рускомъ*, любящему славу своего опечеснва, прикасался я къ Фельдмаршальскому жезлу покойнаго Героя *Задунайскаго*, принесенному въ даръ Собору *Графомъ Никошемъ Петровицеиъ*, прикасался къ шому волшебному жезлу, по манію коего *Россійскіе* орлы при *Кагцль* удивили *Европу*, прославили героя, вознесли опечеснво на верхъ славы! Пенужны рубины и яхонты къ содѣланію его драгоцѣннымъ: онъ блещишь своимъ досшописнвомъ, драгоцѣненъ славою Россіи, знаменишь ужасомъ враговъ, и Свяшой обишли сей, исполненной сокровищами свѣта, служишь первымъ украшеніемъ въ глазахъ сына опечеснва. — Я приложился къ свяшой иконѣ, которую *Князь Потемкинъ* прижалъ къ сердцу, умирая подъ небеснымъ сводомъ на горахъ *Молдавскихъ*. Миѣ пріятно было видѣшь

жампанникъ благочеснїя и торжества
Вѣры въ сердцѣ сего вельможи, въ то
время, какъ пагубная Философія за-
ражала умы ему подобныхъ, тогда
какъ

Наконецъ любопышно узнавъ, что ка-
менная снѣна съ башнями, окружаю-
щая обитель сію, есть знакъ щедрости
Гетмана Мазепы!

Нельзя не замѣтить, что наруж-
ность Успенскаго Собора весьма сход-
ствуешь съ Капюлическимъ храмомъ,
и это доказываетъ, что Архитекто-
ромъ его былъ Итальянецъ; по вну-
тренности его, особливо иконостасъ,
въ высокомъ Греческомъ вкусѣ, кошо-
рый, по моему мнѣнію, есть самый при-
личный для церкви. Не могу согла-
ситься, чтобъ храмъ Божій могъ быть
одинаковой Архитектуры съ заломъ
для спектаклей или баловъ; думаю,
что и самый языкъ священный долженъ

быть ошличенъ отъ просионароднаго! Вошъ отъ чего гошическіе своды Веспиминшерскаго Аббатства или Софійскаго Собора, кажушіеся на воздухѣ, возбуждають благоговѣйный шрепешъ, а слабой свѣшъ, въ нихъ мерцающій, приводитъ въ благочесливый ужась!

При входѣ въ Успенскій Соборъ опускашся должно по нѣсколькимъ ступенямъ на мосшъ. Хоры поддержи-
вающся огромными чешвероугольными столбами, пѣніе монаховъ унывно и шрогашельно. Въ немъ наблюдаешся важносшъ и умилишельносшъ въ шой естешивенной, безыскусшвенной про-
шшопѣ, кошорая даетъ ему превосход-
ство предъ всякимъ другимъ пѣніемъ. Каждое слово виапно, возвышаешъ духъ и шрогаешъ сердце!

По правую шпорону внѣ олшаря на-
ходишся глава Св. Владиміра. Она
обрѣшена въ 1636 году Мишрополишомъ

Пенпромъ Могилою близь Десятинной церкви, въ мраморномъ гробѣ, кою-рый послѣ пошерянь; до сей поры не могутъ найти его мѣста.

По лѣвую же сторону почивають мощи Св. Михаила, перваго Митрополиа Кіевскаго и всея Россіи. Онъ прибылъ сюда изъ Царяграда съ многочисленнымъ духовенствомъ вмѣстѣ съ Владиміромъ, когда сей послѣдній крестился съ вельможами и всѣми воинами въ Корсунѣ. По пріѣздѣ въ Кіевъ крестилъ онъ 12 сыновей Владиміровыхъ, водилъ всѣхъ Кіевлянъ на Почайну для крещенія, низвергнулъ съ горъ идоловъ языческихъ и былъ знаменитымъ орудіемъ Божиимъ къ обращенію въ Вѣру Христову всѣхъ Россіянъ. Мощи его въ 1730 году перенесены изъ Антоніевской пещеры на сіе мѣсто. Какая прекрасная мысль ошанки Владиміра и Михаила — сихъ великихъ Просвѣщенителей Россіи — по-

мѣспитъ одни прошиву другихъ въ преддверіи олшара!

Подлѣ клироса въ каменномъ гробѣ подъ спудомъ покоишся прахъ великаго Полководца Россійскаго, *Графа Петра Александровича Румянцева Задунайскаго*; мѣдная доска съ надписью означаешь мѣсто сіе и показываетъ, что онъ скончался въ 1796 году Декабря 6 дня. На правой же сторонѣ въ придѣлѣ воздвигнушь ему мраморный памятникъ сыномъ его, *Графомъ Николаемъ Петровичемъ*.

При входѣ въ церковь въ склепу покояшся бранные останки Фельдмаршала Князя *Прозоровскаго*. Ревнуня Герою Задунайскому, желалъ онъ и самъ сдѣлаться Задунайскимъ, и умереть среди побѣдъ за *Дунаемъ* и — желаніе его исполнилось. Не мраморъ, не бронза соснавляютъ монументъ его; онъ воздвигнулъ себѣ самый Хрисіанскій, самый великолѣпный памятникъ,

завѣщавъ поспроить въ Кіевѣ каменный домъ для бо преслартѣлыхъ воиновъ, кои должны бышь содержимы въ довольствіѣ изъ доходовъ съ его имѣнія. Сіе оправдываешъ изрѣченіе покойнаго Фельдмаршала, слышанное мною опъ одной почтенной особы. Когда командоваль онъ милиціею въ Кіевѣ, сказалъ онъ въ разговорѣ о Философіи 18 вѣка, сіи слова: „я не знаю иной Философіи, кромѣ Хрисповой: прахъ мой буденъ по свидѣтельствованъ.“

Въ ономъ склепѣ опочивающъ также мощи *Павла Тобольскаго*, и находишся нѣсколько гробовъ знашыхъ особъ.

На сполпѣ у лѣваго клироса на мѣдной доскѣ золопыми буквами написано, что въ 1780 году Мая 14-го былъ въ семь храмѣ Императоръ Римскій *Иосифъ II*, все осматриваль съ любопытствомъ, а вошедши въ олшаръ покло-

нился три раза очень низко предъ запасными дарами.

У западныхъ дверей находится прекрасный гипсовый монументъ Князю *Островскому*. Онъ былъ изъ щедрыхъ дашелей сея обишли, подаривъ въ 1608 году Лавръ шипографію, и опредѣливъ на содержаніе оной многія села и деревни въ Великомъ Княжествѣ *Литовскомъ*.

На правой сторонѣ у сихъ дверей почіюшъ подъ спудомъ мощи Преподобнаго *Теодосія*. Они перенесены сюда еще до нашествія Батыева, въ 1091 году, и почивали открыто въ богатой рацѣ, но въ то время, для сохраненія, положены подъ спудъ. Благочестивый мужъ сей, шолько сіявшій свяшосцію жишія своего, былъ приномъ образцемъ смиренія — ошличительное свойство истиннаго Христіанина! Между прочими чертами сей добродѣтели упоминается о слѣ-

дующей : однажды удержанъ онъ былъ Княземъ *Избяславомъ* для важной бесѣды во дворцѣ до полуночи, и какъ было ненастно и далеко онъ обили, то Князь приказалъ его ошвезши въ своей колесницѣ. Когда довольно удалились они отъ Палатъ Княжескихъ, служитель, везшій его, воспользовавшись шемною, сказалъ : „Чернецъ! ты каждый день празденъ, садись на мое мѣсто, а я опдохну въ колесницѣ послѣ трудовъ дневныхъ.“ Служитель безъ прекословія согласился, и когда служитель заснулъ въ колесницѣ, то онъ сошелъ съ мѣста своего и шелъ подлѣ лошади, дабы сдѣлать сонъ его покойнѣе и продолжительнѣе. Когда же разсвѣло и многіе изъ вслѣдующихъ начали узнавать его и привѣщивать, то онъ разбудилъ провожающаго, дабы онъ занялъ свое мѣсто. Прибывъ въ монастырь, служитель крайне удивился и испугался,

увидя почтеніе и благоговѣніе, съ какими принялъ былъ *Θεοδοσίѳ* браніею, но священный мужъ успокоилъ его и угостилъ.

Въ 20 саженьяхъ отъ Собора возвышаенся огромная, величественная колокольня, осьмиугольная, о четырехъ ярусахъ, изъ коихъ три верхніе украшены колоннами различныхъ орденовъ. Первый Дорическаго, второй Іоническаго, третій Коринтскаго, а нижній отдѣланъ Русникомъ. Высота колокольни съ куполомъ 45 сажени, 2 аршина и 2 вершка; снало бытъ она есть высочайшая въ цѣлой Россіи, но всеѣмъ имъ по плану было предположено поднять ее еще на одинъ ярусъ, что примѣчается при первомъ взглядѣ на нее, ибо она кажется раздавленною. Колокольню сію начали строить въ началѣ 1731, а кончили въ 1746 году; Архитекторомъ ея былъ Шейденъ. Въ числѣ 10 колоколовъ на

ней имѣющихся, самой большой вѣсомъ въ 1000 пудъ. Я слышалъ отъ почтенной особы о доспозамѣчательномъ происшествіи, случившемся здѣсь въ 1812 году. Когда Москва была въ рукахъ непріятельскихъ и вся Россія спралада, видя испребленіе священной споллицы своей — вдругъ въ одинъ день на колокольнѣ сей раздался въ полдень необыкновенный звонъ, похожій на тревогу. Народъ взволновался; всѣ бѣгунъ на колокольню и находящъ намъ солдаша, который, на вопросъ: чшо побудило его къ сему посшупку, отвѣчалъ, чшо въ душѣ своей положилъ онъ во чшо бы то ни спало, зазвонитъ на Лаврской колокольнѣ, лишь шолько услышишь объ изгнаніи Французовъ изъ Москвы. И въ самомъ дѣлѣ въ шомъ же день получено въ Кіевѣ извѣстіе объ освобожденіи Москвы отъ непріятеля.

Насупропивъ колокольни находив-
 ся бывшій нѣкогда домъ Архимандрит-
 ской, а нынѣ Мишпрополипа, о двухъ
 ярусахъ. Онъ построень въ 1727 году.
 Видъ изъ Кабинета, лежащаго къ вос-
 току, есть самый прелестный и бо-
 гатый. Синѣющіеся вдали необозри-
 мые лѣса, быспро капящійся *Днѣпръ*,
 сады, долины, цвѣтники и наконецъ
 священные мѣста, гдѣ покояшся не-
 плѣнные оспанки праведниковъ, при-
 водяшъ въ чувство благоговѣнія и люб-
 ви къ Всевышнему Творцу изящной
 природы и Искупишелю человѣковъ.
 Воишъ мѣсто, думалъ я, гдѣ мудрый
 пастырь, созерцая, шакъ сказашъ,
 землю и небо, сліянными вмѣстѣ, вос-
 пламеняется духомъ жишъ и умереть
 въ дѣяшельномъ, радостномъ испол-
 неніи должностей любви къ Богу и
 ближнему.

Здѣсь сохраняюшся оригинальные
 поршрешы Гешмановъ *Богдана Хмель-*

нищаго и Скоропадскаго. Я привѣшество-
 валь васъ, выпязи Славянскіе! Ваша сла-
 ва будетъ сіять сквозь мракъ времяъ,
 ваши подвиги будутъ одушевлять по-
 помниво въ грядущія столѣтія! Онь
 чего, когда смопрю я на изображенія
 славныхъ людей, даже чуждыхъ, чув-
 ствую трепетъ въ груди моей, и лице
 мое пылаетъ жаромъ удивленія? А вы,
 великіе, вы были Герои Рускіе и луч-
 шіе Христіане; вы доказали, что Ге-
 рои царствъ земныхъ, тогда только
 движутъ наши сердца, наполняютъ
 наши души любовію и благоговѣніемъ,
 когда небесная Вѣра двигала сердцами
 ихъ, когда она управляла дѣйствіями
 ихъ среди брани и мира, когда земная
 слава не была свѣтомъ поступковъ
 ихъ, но пѣнью, слѣдующею за луче-
 зарнымъ свѣтомъ снѣднаго съ небесъ
 ученія; они тогда были велики, когда
 дышали любовію и Вѣрою оцѣвъ сво-
 ихъ; они тогда побѣждали шамъ, гдѣ

не было надежды къ побѣдѣ, они были — выше надежды!

Теперь обращаюсь я къ другимъ Героямъ, къ шѣмъ, кои побѣду надъ самими собою, побѣду надъ своими спирастями и всѣмъ человѣческимъ, предположили себѣ единспивенною цѣлю. Оставивъ свой домъ, опца, опказавъ опъ связей супружества и родства, оставивъ все, что насъ привлекаетъ къ сей жизни, проводивъ ее въ высшей степени нищеты и съ такимъ расположеніемъ заключивъ себя до конца дней своихъ въ шѣсной кельѣ и тамъ, подобно лучезарному Серафиму, расширяясь любовію къ Богу и ближнему и наконецъ, дабы никакіе соблазны міра не попрыскали шполь швердой рѣшимости, не прескучивъ далѣе шрехъ пороговъ и единспивенно въ церковь, а попомъ возвращавъ обратно въ келію для упражненія въ постѣ, моливахъ и свщщен-

ныхъ размышленіяхъ о ничтожествѣ жизни сей, о предстоящей смерти и будущемъ воздаяніи — вошъ должность, вошъ опличіе *схимниковъ*! — Монахъ значилъ уединенный, схимникъ — опсѣченный, опдѣленный опъ самаго уединенія. Монахъ носилъ плащъе черное, означающее презрѣніе ко всему земному, плѣнному; схимникъ тогоже цвѣта, но испещренное Херувинами, изображеніями крестовъ и эмблемами смерти.

Прежде всего я входилъ въ келію *Досифея*, одного изъ шаковыхъ подвижниковъ, славившагося святостію своею во дни Императрицы Елисаветы. Пищу его въ супики соспавляла одна просфора, которую каждый день получалъ онъ въ церкви. Скорбящіе приходили къ его окошечку, и просили у него наставленій и утѣшенія. Избѣгая разговоровъ и непріятнаго чувства возвѣщанъ бѣдспвія и горести, ожи-

давшія нѣкоторыхъ изъ прибѣгающихъ къ нему, онъ давалъ имъ горошины, огарки свѣчныя и сухари. Опытны показали, что горошины означали — крапковременныя слезы, свѣчки — смерть, сухари — продолжительныя бѣдствія. И донынѣ многіе шарожила въ *Києвѣ* воспоминають о святомъ мужѣ семъ, удивляясь истинѣ событій, кои онъ предвѣщалъ. Вотъ происшествіе, рассказанное мнѣ почтенною особою, заслуживающею всякое вѣроятіе.

Г-жа N..., бывъ маперью многихъ дѣтей, потеряла ихъ въ цвѣтѣ юношества. Наконецъ оспался у ней одинъ сынъ. Чадолубивая и несчастная мать видѣла въ немъ единственную надежду свою и утѣшеніе, и любила его болѣе своей жизни. Но вдругъ ребенокъ занемогъ и болѣзнь быстро достигла той степени, что, казалось, неисповѣдимыя судьбы опредѣлили уже ис-

шоргнувъ изъ объяпій матери и сей послѣдній предметъ ея нѣжности. Медики объявили его безъ всякой надежды — и уже почти хладенъ лежалъ онъ на смертномъ одрѣ своемъ. Опчальная мать, шщепно призывая себя смерть, клянетъ судьбу, шюлико къ ней жестокою, и въ изшупленіи бѣжишь къ *Досивекъ*, заклинаятъ его молитвами своими опвесити грозящее ей бѣдшвіе и возвращишь сына! Свяшый мужъ убѣждаетъ опчашную укрощишь ропотъ свой, признашь свое ослѣпление, покорись съ смиреніемъ волѣ Божіей и вѣришь благости его предопредѣлений. Но несчастная, не смотря ни на какія убѣжденія, продолжаетъ взыванъ къ нему; тогда *Досивекъ* начинаетъ молебствіе свое, и по окончаніи онаго говоришь ей: „Безумная! Всевышній даруетъ тебѣ швоего сына; онъ возвращетъ тебѣ, но возвращенъ не на радость, а въ нака-

заніе за невѣріе въ Бога, за дерзкій пивои ропнанія и пивою непокор-
лоснѣ.“ — Событіе оправдало пред-
сказаніе святаго спарца: полумерив-
вый ребенокъ скоро получилъ чувствва
и исцѣленіе; всякимъ днемъ жизни
своей спомлѣ новыхъ забонѣ и попе-
ченій нѣжной мащери и спановился ей
дороже; но доспигши совершеннолѣ-
тія, онѣ не шолько не воздалъ ей за
все сіе взаимными чувстввами и не ис-
полнилъ обязанностей добраго сына,
но поступкамъ, дурнымъ обращеніемъ
съ нею и неблагодарноснію былъ еже-
минушно ея мучишелемъ и наконецъ
привелъ ее бышѣ свидѣтельницею без-
чеснаго наказанія и ссылки въ Си-
бирь за различныя неисповсшва и пре-
спупленія.

Извѣстный *Ушковѣ*, въ монаше-
ствѣ нареченный *Теодоромъ*, который
былъ спроишелемъ Синапсарской пу-
стыни, пріѣхавши въ *Кіевѣ* на бого-

молье, возжелалъ получитьъ благословеніе опгъ *Досиѳея*. *Досиѳей*, оппущая его, далъ ему пять сухарей. *Ушаковъ*, возгордившись такою милостію, просилъ болѣе. Старець оппвѣчалъ: „довольно съ шебя и этого.“ *Ушаковъ* не успѣлъ пріѣхать домой, какъ вдругъ, по ложнымъ доносамъ, былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ пробывъ ровно пять лѣтъ, былъ возвращенъ, и невинность его опкрыта. Я слышалъ, что *Ушаковъ* хранилъ ченки *Досиѳеевы*, какъ величайшую драгоценность, и умирая подарилъ ихъ ученику своему, болѣе всѣхъ имъ уважаемому, *Иенатію*, бывшему пономъ Тихвинскимъ Архимандриномъ, который также при смерти своей передалъ ихъ *Самуилу*, бывшему при Цареградской Посольствѣ, нынѣшнему Архимандришу въ Тихвинѣ.

Естьли за глиняный Эпикпешовъ подсвѣчникъ, упошреблявшійся имъ при

Философскихъ размышленіяхъ, нѣкто заплашилъ 3000 дрѣхмъ, еспѣли въ обладаніи стуломъ Шекспировымъ или попною книгою Руссо спорили Монархи, по сколь драгоцѣннѣ должны бышь чешки праведника, служившія ему книгою молишвъ !

Схимникъ *Паскевичъ* недавно скончался. Онъ болѣе 33 лѣтъ не выходилъ изъ своей кельи. Митрополишъ *Илатонъ*, во время краткаго пребыванія своего въ *Кіевѣ* въ 1805 году, неоднократно посѣщаль его, какъ спсараго своего благодѣшеля въ *Москвѣ*.

Схимникъ *Михаилъ* и понынѣ еще живъ. Ему болѣе 90 лѣтъ, но не смотря на преклонноснѣ лѣтъ, ясныснѣ и милоснѣ юноснѣ сіяешъ на челѣ его; духъ небеснаго ошкровенія блиснаешъ въ очахъ. Я нашель *Михаила* въ шихой, уединенной келіи его, занимающагося бесѣдою съ другимъ. Болѣе часу я не смѣлъ прервашъ ихъ разговоръ,

слушалъ сужденія двухъ Хрисііанъ, основанныя на правилахъ чисной религіи, здраваго опыта и истиннаго просвѣщенія. Да просиши мнѣ почтенный собесѣдникъ *Михаила*, что я въ примѣръ онличнаго Хрисііанина здѣсь о немъ упоминаю! Такъ, не взирая на сужденія душъ слабыхъ, замѣчанія людей легкомысленныхъ и злонамѣренныхъ, швердый въ своемъ обѣщѣ, и гордясь своимъ подвигомъ, совершилъ онъ (*) 1815 года пулъ пѣшкомъ изъ Пешербурга, дабы сею жершвою — великою по слабости человека и малою предъ величіемъ Вседержителя — изъявши чувства благодарности предъ мощами Угодниковъ за благо, изліянное на его родъ и общество.

При выходѣ изъ священныхъ вратъ Лавры, представляется величественный

(*) Д. С. С. О. П. О...ъ.

арсеналь. Слѣпы его выстроены русскимъ; онъ не опшукашурень, но пріятный натуральный цвѣтъ его кирпичей подалъ поводъ Императрицѣ Екатерины названъ сто: мой фарфоровой дворець.

Крѣпость Печерская есть дѣло попечительности Петра Великаго. Онъ заложилъ ее собственными своими руками 15 Августа 1706 года. Эпопея оплотъ усроень имъ былъ прошиву дѣйствій *Карла XII*, но предѣлъ имъ былъ *Полтава*. Петръ Великій, надзирая за строеніемъ ея крѣпости, часто посѣщалъ Лавру и заходилъ въ кельи. Однажды, бывъ у Насоященя, приказалъ подать себѣ водки. Келарь, поднося ему рюмку, налишую уже, и вмѣстѣ съ нею два графина, оспунилъся и уронилъ все на Государя. Петръ гошовъ былъ разсердился, но Келарь, ни сколько не смѣшавшись, сказалъ ему: „изліяся благодашь на главу твою;

шакъ сокрушитъ Господь сопоспашовъ пвоихъ!" — Хорошо, увидимъ! ошвѣчалъ Государь. Возвратившись въ Кіевъ послѣ Полпавской побѣды, не забылъ онъ Келаря и наградилъ его.

Кіевопечерская Лавра получила преимущество Спавропигіальной ошъ Великаго Князя *Андрея Георгіевича*; оно послѣ подтврждаемо было ошъ всѣхъ Великихъ Князей, Царей и Имперашоровъ Россійскихъ.

